

18+

Михаил Карусаттва

Рассказы в стиле Дзен

Истина всегда с тобой

Михаил Карусаттва

**Рассказы в стиле Дзен.
Истина всегда с тобой**

«Издательские решения»

Карусаттва М.

Рассказы в стиле Дзен. Истина всегда с тобой / М. Карусаттва —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567734-1

Устали от классической депрессивной литературы? Добро пожаловать в мир фантастических философских историй! Все истории совершенно разные, но объединяет их одно: каждая история совершает неожиданный поворот сюжета и приводит читателя к размышлениям о тайнах бытия. В сборник вошли рассказы: «Таксист и смерть», «Пирожки с мудростью», «Похороны слонов», «Президент», «Домик у моря», «Истина всегда с тобой». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-567734-1

© Карусаттва М.
© Издательские решения

Содержание

Таксист и смерть	6
Пирожки с мудростью	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рассказы в стиле Дзен Истина всегда с тобой

Михаил Карусаттва

© Михаил Карусаттва, 2024

ISBN 978-5-0056-7734-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Таксист и смерть

Эпиграф

«Вселенная так грандиозна и гармонична, что невозможно поверить, будто смерть играет в ней случайную роль»

Митч Элбом, «Вторники с Морри»

Таксист Жорик сидел, откинувшись в кресле своего автомобиля, и поглаживал живот после съеденного бургера.

«Отличная смена! Просто отличная! – думал он. – Ещё только шесть вечера, а я уже почти заработал нужную сумму. Вот бы сейчас одним большим заказом закрыть смену!»

При этой мысли у него закололо в желудке. Хронический гастрит давал о себе знать. Сколько раз Жорик клялся себе больше не есть фастфуд, и столько же раз он не мог удержаться, чтобы не вознаградить себя за воздержание.

«Ничего, ничего! – думал он, – поболит и пройдёт. Как там учил меня дядька? – Чтобы боль не донимала, нужно лишь создать другую боль, которая сильнее первой», – и сильно ущипнул себя за правый бок.

В этот момент программа «Такси» просигналила о поступлении нового заказа, и Жорик его принял.

«Хорошо бы поехать куда-нибудь подальше, закрыть нужную сумму и – домой», – мечтал Жорик, потом вздрогнул и выругался вслух:

– Ай, бля! – ещё сильнее кольнуло в желудке, и Жорик решил больше ни о чем не думать, наивно полагая, что его мысли и боль как-то взаимосвязаны.

Прибыв на заказ, Жорик в программе нажал кнопку «Я на месте», и ему стал доступен конечный адрес: деревня Жаблицы, улица Ленина, дом 5. Что было не просто далеко, а очень далеко, да ещё и в сторону противоположную от дома. Но всё же соблазн закрыть смену одним заказом был велик.

«Оплата наличными... – вслух и с досадой произнёс Жорик. – Это не есть хорошо...» – Жорика уже не один раз обманывали недобросовестные пассажиры, сбегали, не оплатив поездку, поэтому дальние заказы он предпочитал с безналичной оплатой.

«Отменить... или не отменить...» – задумался Жорик. Но, не успев взвесить все за и против, со стороны заднего сиденья услышал голос:

– Здравствуйте!

– З-з-здравствуйте... – испуганно ответил Жорик и резко обернулся. – А-а-а... я и не заметил, как вы сели... – Долго разглядывать пассажира было дурным тоном, поэтому Жорик лишь бросил на него взгляд, но успел заметить, что одет он был как-то странно: чёрный балахон покрывал всё его тело, капюшон закрывал верхнюю половину лица, а нижнюю его половину закрывала тень от этого же капюшона.

– Просто вы так глубоко погрузились в свои мысли, – спокойным тоном ответил пассажир, – поэтому и не заметили. На самом деле, я здесь сижу уже тридцать секунд. Тридцать одну, тридцать две...

– А, извините... – понял Жорик, что задерживает пассажира, и спешно тронулся.

Навигатор показал, что весь маршрут займёт два часа и семнадцать минут. Жорик постарался расслабиться, но назойливые мысли всё лезли в его голову.

Нет, его не беспокоил внешний вид пассажира. И не таких фриков ему приходилось возить. Не переживал он и по поводу его внезапного появления, ведь Жорик прекрасно знал,

как усталость действует на сознание. После 24-х часов за рулём уже не замечаешь дорожные знаки, а пешеходы возникают буквально из ниоткуда.

Но, как и любого таксиста, его беспокоил главный вопрос: будет ли оплачена поездка?

И тут пассажир, словно прочитав его мысли, заговорил:

– Скажите, у вас будет сдача с пяти тысяч?

«Начинается!» – совсем расстроился в мыслях Жорик, ведь именно пяти тысячные купюры чаще всего бывают фальшивыми.

– Можно оплатить безналом, – с надеждой сказал Жорик.

– К сожалению, не имею такой возможности. Видите ли, организация, которую я представляю, весьма старомодна. Смотрите, в каком наряде приходится путешествовать! Я то понимаю, что своим внешним видом я пугаю людей. Но им там, – он показал пальцем вверх, – наплевать!

«Чёрт меня дёрнул принять этот заказ! – продолжал мысленно негодовать Жорик. – И, как назло, уже из города выехали...» – он всё вертел головой в надежде увидеть хоть один приличный магазин, где можно было разменять купюру.

Пассажир заметил беспокойство Жорика и попытался его успокоить:

– Ничего страшного. Давайте договоримся так: если мы приедем в пункт назначения вовремя, тогда сдача не потребуется.

Несмотря на то, что это звучало как глупая ложь, Жорику хотелось верить. Он был доверчив по натуре и за свою доверчивость нередко расплачивался рублём.

В какой-то из книжек по психологии Жорик вычитал, что конструктивная беседа сближает людей, и тогда у обманщика – якобы – может разыграться совесть и он в итоге не захочет обманывать.

– И что за организацию вы представляете? – Жорик попытался начать конструктивную беседу.

– Видите ли, я ангел смерти.

– Что?! Мерчендайзер?! – не поверив своим ушам, переспросил Жорик.

На что пассажир ответил членораздельно:

– Ангел смер-ти!

– А-а-а-а, понятно! – с иронией сказал Жорик, а про себя подумал: «Ещё сумасшедшего мне не хватало...»

– Я понимаю, это стандартная реакция, многие поначалу принимают меня за сумасшедшего, – пассажир снова словно прочитал мысли Жорика, – но так часто бывает, когда род деятельности, отличный от нашего, кажется нам ненормальным. Так, например, за сумасшедшего могут принять альпиниста или какого-нибудь уличного музыканта. Хотя, в сущности, это просто иной род деятельности, который, если попробовать в нём разобраться, не так уж сильно отличается от нашего.

Жорик был в замешательстве. Ведь пассажир начал рассуждать совсем не как сумасшедший. Но с другой стороны, считать работу ангелом смерти нормальной – это было очень странно.

И эту последнюю мысль Жорик продублировал в вопросе:

– То есть вы считаете свою работу нормальной?

– Абсолютно! Видите ли, кому-то может показаться и работа в такси, как работа без перспектив на хорошее будущее, ненормальной.

Жорика это задело и он с усмешкой спросил:

– Ха! А какая перспектива на вашей работе? Дослужиться до дьявола?

– Аха-ха-ха! – откровенно засмеялся пассажир. – Вот это типичный стереотип о смерти, якобы она во власти дьявола.

– Так что, вы хотите сказать, что вы подчиняетесь... – здесь Жорик на мгновение замолчал, – богу?

– Вас это удивляет?

Жорик задумался. Потом вдруг резко сказал, будто его осенило:

– А вы знаете, не удивляет! Моя тётя умерла от рака в возрасте сорока лет, хотя была очень религиозной и молилась богу ежедневно.

– Ну вот, видите, вы и сами всё прекрасно понимаете.

– Значит, вы получаете указания от бога? – Жорик задался риторическим вопросом вслух.

– Не совсем так. Скорее, он к нам обращается за услугой. По крайней мере, я не припомню, чтобы он давал какие-либо конкретные указания. В основном только лишь намёки.

– Как это?

– Ну, смотрите, по-вашему, бог – это кто? Или – что?

– Хм, затрудняюсь ответить...

– Ну, хорошо, по-вашему, бог отвечает за всё сущее?

– Пожалуй, да...

– Тогда получается, что бог и есть всё сущее?

– Ну, допустим...

– Следовательно, обращаться он к вам будет посредством любой из своих частей. То бишь: разговаривает с вами человек – значит к вам обращается бог. Птичка на ветке чирикает – значит к вам обращается бог. Ручеёк шумит по камушкам – значит к вам обращается бог... Нужно только уметь распознавать этот голос.

– Хм, да, пожалуй, вы правы...

– Да. И вот мы, ангелы... Все ангелы вообще, и ангелы смерти в частности, умеем распознавать этот голос. И вот когда мы слышим, что кому-то плохо, очень плохо, для нас это есть обращение бога к нам...

– Да-а-а... Звучит логично.

– Да, вот видите, в моей работе нет ничего ненормального.

– Да, если так рассуждать, то вы правы.

Наступило молчание. Жорик погрузился в размышления, результатом которых явился логичный вопрос:

– Так... что получается, сейчас кто-то умирает?

– Да.

– И кто же?

– Ну, уважаемый, я умею распознавать голос бога, но я не обладаю даром ясновидения.

– А, да-да, понимаю-понимаю. – И после паузы спросил. – И как же это происходит?

– Вы имеете в виду – технологию нашей работы?

– Да.

– Да очень просто, я приезжаю на место, убеждаюсь, что человеку действительно очень плохо...

– А что, бывают и ложные вызовы? – перебил его Жорик.

– Представьте себе, да. Вот, например, в прошлом месяце был случай. Приезжаю я, значит, на заказ. Там мужчина собирается повеситься. Но что-то долго не решается, всё стоит на табуреточке, чего-то ждёт. Ну я скромненько в уголочке на стульчике присел...

– Прошу прощения, а как вы внутрь попали?

– Ну дык – мы же, ангелы, умеем сквозь стены проходить, и всё такое... Как я, по-вашему, к вам в машину попал?

– Ах, да-да, конечно, извините...

– Так вот. Я сижу, жду, он всё медлит. Ну я уже нервничать стал, не передумает ли. Тут в двери заскрипел ключ, дверь открылась, вошла жена. И в этот момент он театрально сиганул с табуретки! Жена бросилась вытаскивать его из петли. Ну, потом долго жалела его, успокаивала. Оказывается, он и не собирался вешаться! Представляете?! Оказывается, у него какая-то там душевая болезнь, название я уже не помню, но суть её – патологическая убеждённость, что якобы другие уделяют тебе слишком мало внимания. И вот таким вот извращённым способом этот, извините, дурачок пытался привлечь внимание своей жены.

– М, да!..

– Да! Представляете?! И ведь это не в первый раз! Позже мне коллеги рассказывали, что этот чудик так делал много раз, и каждый раз жена буквально вытаскивала его из петли. Но, естественно, однажды случилось непредвиденное. Этот чудик, услышав звук ключа в дверном замке, сиганул с табуретки. Но в этот момент жену отвлек телефонный звонок, и она задержалась на лестничной площадке. В общем, так бедняга и удавился. Жалко, не моя смена была...

– Да уж... Значит, получается, вы не всегда умеете распознать голос бога?

– Разумеется, все ошибаются. Тут дело в эмоциональном состоянии человека. Любую депрессию легко спутать с реальной болью, ведь мы слышим только духовный призыв, а для души физическая боль и депрессия одинаково неприятны.

Жорик вновь задумался. Он колебался, задать ли свой вопрос. Но всё же решился:

– Скажите, вот вы такой, вроде, мудрый...

– Скорее, опытный...

– Ну да... Вот у меня... хронический гастрит, как, по-вашему, долго...

– О! Дорогой мой, я не врач, и, как я уже говорил, даром ясновидения не обладаю! Обратитесь к врачу, или, на худой конец, к гадалке. Каждый специалист в чём-то своём. А у меня, как говорил известный юморист, – он вытянул губы вперёд, – юзкая сыпелизация!

– Да, конечно, извините... – Жорик вновь задумался, и вскоре несмело выговорил. – Значит, вы не по мою душу?...

Пассажир пожал плечами.

Жорик с надеждой продолжил:

– Ведь если конечный адрес так далеко... Если бы вы были за мной, то на кой так далеко ехать? Тем более, что вы говорите, что можете ходить сквозь стены. Так не проще ли появиться сразу в том месте, где кому-то плохо?

– Как знать, молодой человек, как знать. Может, у вас по дороге приступ случится. Или ДТП...

– Вы шутите? – испуганно спросил Жорик.

Пассажир посмотрел на Жорика, нахмутив брови, эффектно, как в фильмах ужасов. Потом рассмеялся и говорит:

– Да расслабьтесь вы! Вряд ли вы сегодня мой клиент. Это больше похоже на то, что у нас называют дополнительным заданием, когда мы слышим что-то наподобие молитв, – когда у человека много вопросов возникает, тогда мы как бы по пути заскакиваем...

– Типа халтуры, что ли?

– А-ха-ха! Да, что-то типа того... Но – что я всё о себе да о себе. Может, вы что-то расскажите? Говорят, таксисты знают много интересных историй.

– Да что особо рассказывать? Это стереотип, что с таксистами часто происходят какие-то интересные события. В действительности наша работа в основном рутинна и мало что интересного происходит. – Он задумался. – Хотя, был недавно один случай. По вашей, кстати, специализации.

Пассажир сквозь улыбку:

– Так-так, очень интересно!

– Приезжаю на адрес. Пункт назначения – кладбище. Выходят два пассажира, мужчина и женщина, в траурных одеждах, в руках мужчины венки, ну там – «От друзей и близких», в таком стиле... Какие-то пакеты с бутылками. Всё как обычно. Ну, погружаем всё в багажник. Пассажиры садятся, женщина грустно спрашивает мужчину: «Ничего не забыли?» Мужчина отвечает, что нет. Едем. Вдруг через минут пять женщина как взвывает: «Ах, Толя! Бабушку то мы забыли!» И давай реветь! Я опешил! Мужчина говорит: «Извините, мы можем вернуться? Мы доплатим». Я возвращаюсь. Мужчина бегом бежит домой... и возвращается... с погребальной урной!..

– А-ха-ха-ха-ха!

– Вот именно! Мало того, что я выступал в роли катафалка, так они ещё и бабушку забыли!

– О-о-ой! Не могу! – пассажир держался за живот и вытирал проступившие от смеха слёзы. – Да-а-а! Спасибо! Это весёлая история!

– Ещё какая веселая! Ситуация то по сути грустная, а я всю дорогу ехал и сдерживался, как бы не заржать. И смех и грех, как говорится.

– О-о-ой! – пассажир вытер рукой вспотевший лоб. – Мне так повезло, что я вас встретил!

– Оп-па! – Жорик резко остановился.

– Что случилось? – испугался пассажир.

– Кажется, мы встали в пробку... Странно, откуда она здесь?

– Это надолго? – с тревогой спросил пассажир.

– Пока не знаю, – ответил Жорик, копошась в навигаторе. – А-а-а! Всё ясно! Похоже, переезд закрыт.

– А нельзя ли как-то его объехать?

– Дык, нет. Это единственная дорога.

– Ох, как досадно! Видите ли, мне никак нельзя опаздывать.

Пробка не двигалась, и не было видно приближающегося поезда. Напряжение росло. Пытаясь хоть как-то разрядить обстановку, Жорик спросил:

– Неужели даже в вашей работе так важно время?

– Конечно, молодой человек, конечно! Ведь если даже немного помедлить, может ничего и не случиться. Вот, например, однажды я застрял в лифте, и пока я там куковал – расторопные врачи откачали клиента. А был ещё такой случай: ехал я в метро и разговорился с одним буддистом. То есть... сам он не говорил, что он буддист, это я уже позже сам сделал такой вывод, когда погуглил значение тех терминов, которыми он апеллировал. Ну, не суть. Так вот, этот буддист мне втирал, что якобы смерти не существует, что смерть, мол, плод человеческого воображения. – Представляете?!

– С трудом...

– Так вот. Я и не сдержался, ответил этому буддисту: «Как это, – мол, – смерти нет? Вы же меня видите, значит, я есть!» А он такой: «Вы – лишь плод моего воображения, на самом деле нет ни вас, ни меня, всё есть пустота!» Я, если честно, немного охуел от таких заявлений! И, по правде говоря, я не очень люблю спорить, но тогда меня это прямо возмутило, и я начал доказывать ему реальность своего существования. Говорю: «Смотрите – вот чёрный балахон. Вот пронизывающий взгляд. А хотите – пройду сквозь стену вагона?» А он, мол: «Ваш внешний вид – это лишь воплощение моих предубеждений о смерти, сформированных социальными легендами». В общем, слово за слово – я и проехал свою остановку...

– М да, странный тип...

– И я про то же! Очень странный! Но... после того случая я зарёкся опаздывать, слишком уж это дорого мне обходится.

– А что вам бывает за опоздание?

– Хм... Хороший вопрос. Наказание, наверно. Честно говоря, я не помню...

– Как это, не помните?

– Видите ли, я вообще не помню ничего, что за пределами моей работы. Я помню только то, что происходит со мной на работе.

«Как это, наверное, грустно, – подумал Жорик, – помнить лишь работу, но не помнить самого главного – выходных».

– Да, это очень грустно, – продолжил пассажир, опять прочитав мысли Жорика. – Я бы хотел вспомнить то, что происходит со мной за пределами работы. Но почему-то не могу...

И на несколько минут оба погрузились в собственные мысли.

И вдруг Жорика осенило:

– Вы знаете! А похоже, что у вас... амнезия!

– Что?! – испуганно переспросил пассажир.

– Амнезия! Это такая болезнь, при которой информация из кратковременной памяти не перемещается в долговременную, что-то в этом роде... На эту тему даже американский фильм есть – «Пятьдесят первых поцелуев».

– Ам-не-зия? Вы думаете?

– Похоже на то.

– И что же мне делать?

– М-м-м, обратитесь к врачу.

– А какой врач за это отвечает?

– Даже не знаю, погуглите.

– Да, точно. – Он достал телефон (непонятно откуда) и начал выискивать информацию в интернете. – Вот чёрт! – вдруг выругался он.

– Что такое?

– Да тут целую медкомиссию нужно пройти: и невролога, и хирурга, и психотерапевта, и еще чёрт те знает кого!

– Ну, а как вы хотели? Чтобы быть здоровым, нужно проявить волю.

– Ой, кто бы говорил... – иронично заметил пассажир.

– Это да, это да... – согласился Жорик.

И вновь оба погрузились в собственные мысли.

Так они несколько минут сидели в неловком молчании. Пока вдруг пассажир не заговорил:

– Смотрите! – указав пальцем на поле, на которое медленно спускалось алое солнце. – Смотрите, как красиво!

Жорик инстинктивно посмотрел в сторону, указанную смертью.

Огромный безмолвный алый круг медленно, но стремительно спускался к горизонту. И ничто не могло его остановить – ни тучи, ни черные штыки леса. Всё как будто плавилось в раскалённом диске, становясь таким же алым и однородным: и лес, и стая птиц, и какие-то деревенские домики, и звук семафора, и даже его красный цвет, и сам горизонт, и все слова и мысли – всё становилось однородной алой сущностью. Но это не было страшно, страха не было, страх так же расплавился и стал ничем. Будущее, прошлое, само время – всё расплавилось. Остался только этот молчаливый алый свет. И казалось, что этот молчаливый алый свет проник в самого Жорика, наполнил его вены, нервы, лёгкие... Но Жорик осознавал это не умом, не словами, никаким из пяти чувств. Он просто был этим алым светом, и всё. И ему это нравилось.

– Да-а-а! Красиво! – констатировал Жорик, сам не понимая, зачем он это сказал.

И эта, казалось бы, безобидная мысль уничтожила всё разом. Больше не было этого однородного алого безмолвного света. Вместо него появилось слово «закат», потом слово «солнце», потом ещё какие-то слова и мысли. А с этими мыслями к нему вернулись проблемы и страхи.

Переезд открылся. И Жорику стало так страшно, не понятно от чего, что ему захотелось срочно куда-то ехать, к чему-то стремиться. И он стремительно поехал вперёд.

– Ну наконец-то, свершилось! – обрадовался пассажир.

Какое-то время Жорик ехал очень быстро. Но вдруг осознал всю ответственность ситуации. Ведь если он сейчас не будет торопиться, возможно, кто-то останется жить! Эта мысль сильно взволновала его. И он, вдруг осмелев, решил высказать её пассажиру:

– Так что ж получается, если я сейчас не стану торопиться, то вы останетесь без работы?

– Да-а-а... Но... Вы же не станете этого делать? – пассажир умоляюще посмотрел на Жорика.

– Ну, не знаю, не знаю... А вас никогда не волновала нравственная сторона вашей работы?

– Нравственная?! Так вы что же, считаете мою работу безнравственной?! – обиженно спросил пассажир.

– Не совсем так. М-м-м... Как бы это сказать?... Мне кажется, что у вас всегда есть выбор.

– Выбор?! Вы это серьёзно?!

– Ну, да. Почему нет?

– Хм... – пассажир задумался. – Вы знаете, я никогда не задумывался над этим. То есть, вы хотите сказать, что...

– Я хочу сказать, что вы сами вольны выбирать, когда нужно доводить вашу работу до конца, а когда – остановиться.

– Хм, вы так думаете?

– Да! Вы только представьте себе, сколько жизней можно спасти, если задержаться всего на мгновение?

– М-м-м, да вы философ...

– Вам никогда не хотелось взять и плюнуть на свою работу? – Жорик окончательно осмелел.

– Судя по вашему эмоциональному порыву, вам этого хотелось неоднократно.

– Хотелось! И я это делал! Поверьте, это классное чувство!

– Это... как бы... пойти против системы?

– Вот именно! Пойти против системы! Хотя бы раз в жизни!

– Хм, вы меня заинтриговали. И что же мне делать?

– Скорее – не делать. Не ехать на адрес.

– Это как?

– А вот так! Просто! Выйти... гденибудь... в поле. Да вот – хоть здесь! – Жорик сам был удивлён своей решимостью, и остановил машину на какой-то автобусной остановке в поле.

– З-з-здесь?.. Вы уверены?

– Да! Вы не пожалеете!

– Ну... ладно... – неуверенно сказал пассажир. – Если вы так уверены... – И начал уже открывать дверь, но вдруг задержался. – Но, подождите... Я же с вами ещё не расплатился... – Он достал из кармана деньги и протянул Жорику. – Вот, держите, сдачи не надо!

– Как... не надо? – Жорик с изумлением посмотрел на новенькую пяти тысячную купюру.

– Попрём против системы! – пассажир поднял правую руку со сжатым кулаком, как это делают байкеры.

– Да! – Жорик улыбнулся. – Против системы! – и тоже поднял сжатый кулак.

Пассажир вышел и уверенно захлопнул дверь. А Жорик так же уверенно тронулся и, не оборачиваясь, поехал дальше.

Чувство собственной гордости переполняло Жорика. Он был горд тем, что совершил, по сути, героический поступок – спас кого-то от смерти. Но – кого? Ему было страшно любопытно узнать, кого же он спас. Что же должно было произойти там, на Ленина, 5? «Может,

у кого инфаркт? А может, был пожар и дом сгорел? – он перебирал в уме варианты. – А может, корова кого-нибудь насмерть забодала? – эта мысль развеселила Жорика, и он улыбнулся. – Да и с чего я решил, что именно с человеком что-то случилось? Может, там просто ёжика трактором переехало?» Ему было очень любопытно. Тем более, что ехать оставалось всего пятнадцать минут.

Жорик остановился возле дома с табличкой «улица Ленина, 5». Это был ничем не примечательный деревенский дом, с грядками да парниками на участке. Но никакого движения ни на участке, ни в доме не наблюдалось.

«Неужели всё равно свершилось? – с грустью подумал Жорик. – Неужели эта тварь всё равно до кого-то добралась?» Ему стало досадно в первую очередь не от того, что кто-то умер, а от того, что не получилось у него совершить героического поступка, и теперь не за что собой гордиться. Он вышел из машины и закурил.

Вдруг шторка на одном из окон зашевелилась, и оттуда украдкой выглянула бабушка. Обычная такая любопытная бабушка. Через несколько минут дверь дома заскрипела и хозяйка вышла.

– Вы к кому?! – громко и недобро спросила бабка.

– Не беспокойтесь. Я просто проезжал мимо. Вот, решил покурить.

– Ну, курите в другом месте! Вам тут не курилка!

Жорику стало обидно. Ведь он спас жизнь этой бабке, а она об этом даже не знает. Ему нестерпимо захотелось обо всём ей рассказать. Но – как это сделать? Ведь заговорить о смерти – это совсем не то же самое, что и, например, заговорить о погоде.

Жорик уже было хотел уехать, но вдруг бабка окликнула его:

– Подождите, молодой человек!

– Да?

– Вы – такси?

– Да.

– Ой, а вы не могли бы отвезти меня до магазина? А я вам оплачу...

– Да, конечно. – Жорику совершенно не нужен был этот мелочный заказ, ведь смерть заплатила ему более чем достаточно. Но желание всё рассказать бабке было очень сильным.

Бабушка медленно, опираясь на свою палку, доковыляла до машины. Уселась на заднее сиденье.

– Нам туда, – показала она пальцем, – всё время прямо, до кладбища, потом направо и прямо, потом по правую руку будет магазин.

– Окей.

Дорога была разбитая, поэтому Жорик поехал медленно, переваливаясь через кочки.

– Вы меня извините, – вдруг заговорила бабка, – что я вас так бесцеремонно хотела прогнать...

– Да ничего страшного.

– Старая я, боюсь всего...

Жорик молчал, понимая, что сейчас начнется стандартное излияние души таксисту. Он уже привык к этим откровениям. Поначалу они его пугали. Но с опытом он привык слушать их поверхностно, лишь поддакивая в знак сочувствия.

И бабуля продолжила:

– А в молодости я, знаете, какая смелая была?

– Не знаю...

– Ох, дорогой мой! В молодости я, будучи самым молодым, – здесь она нарочно сделала восклицательный акцент, подняв указательный палец вверх, – председателем в совхозе имени Кирова! Это здесь, недалеко, в поселке Верхние Слои. Наша то деревня относится к Верхнеслоискому району... Так вот, я, будучи там председателем, мало того, что самым молодым, так

ещё и, как вы понимаете, женщиной... И поначалу меня мало кто воспринимал всерьёз. Особенно мужики, имеющие практический опыт. А я была выпускницей аграрного университета, то есть – человеком с высшим образованием, но не имеющая практического опыта...

Бабка всё продолжала рассказывать. Но Жорику было совершенно неинтересно, о чём она там лепечет. Ведь его собственные мысли были куда интереснее. В фоне её рассказа он всё думал о том, как бы рассказать бабке о её чудесном спасении. Но её бессмысленный треп не давал никакого повода, чтобы начать свою историю.

– ...вот какая я была смелая, молодой человек! Понимаете?

– Да, понимаю, – безучастно ответил Жорик. – Пожалуйста, магазин.

– Ой, простите. Я быстро.

Но таксист и пассажир по-разному ощущают время. Для таксиста быстро – это две минуты, для пассажира – если в течение получаса делать всё быстро, это быстро. Но время – лишь в нашем уме. Для того, кто торопится, время тоже бежит, для того же, кто не спешит, и время движется соразмерно.

«Ладно, – думал Жорик, – отвезу её, и домой. Пусть живёт и не знает, кому обязана за это... Да и вообще, с чего я взял, что я её спас? Может быть, это вообще всё ерунда. Может быть, это был просто сумасшедший, а никакой не ангел смерти. М-м-м, да... Похоже на то... Вспомни, что он там говорил про свои провалы в памяти? Забыл себя, свою жизнь, и напридумывал себе вот этот образ, и за ним прячется от реальности. Да-а-а... Похоже на то...»

К этой мысли к машине вернулась бабка.

– А вот и я! – и взгромоздилась на переднее сиденье.

«М-м-м, спокойно... – успокаивал себя Жорик, – ещё десять минут бредовых историй, и я останусь наедине со своими мыслями...»

– Купила молока да хлеба...

«Ну вот, началось...» – Жорик тронулся с пробуксовкой в надежде, что старуха замолчит. Но бабка всё не унималась. Понятно дело, одиночество.

– Раньше то всё было своё: и молоко, и хлеб. Деревня всем обеспечивала! А теперь – что? Молоко везут чёрт те знает от куда, да и качество его оставляет желать лучшего! Я вам вот что скажу по секрету, молодой человек, – она наклонилась ближе к Жорику и заговорила шёпотом, будто их кто-то может подслушать, – самое главное для здоровья – это питание. Вот мне восемьдесят семь лет. И прожила я так долго только благодаря тому, что деревня обеспечивала меня натуральными продуктами. А город чем может обеспечить? Бургерами да кока-колой?

– Это да...

– Хотя... – она погрузилась и на несколько секунд замолчала. – Сейчас, конечно, здоровье моё уже не то... Опять же – привозные продукты с заменителями. Сейчас то вы видите меня, как будто, в добром здравии... но... буквально пару часов назад мне было очень плохо... – она немного помолчала, потом продолжила. – Мне было так больно, что я стала молить бога, чтобы он прислал ко мне ангела смерти... Вот как мне было больно. – Она вновь умолкла на несколько секунд. – Я понимаю, что это нехорошо – просить у бога смерти, но уж очень мне было больно... – И вновь замолчала. Немного повсхлипывала, потом, взяв себя в руки, продолжила более уверенным тоном: – Вот вы, наверное, думаете, что смерть – это плохо?

Жорик пожал плечами. Он даже не заметил, как они подъехали к дому. Но он не спешил высаживать бабку, ведь она сама затронула интересующую его тему. Поэтому он слушал.

– А я вам вот что скажу: смерть важна, без смерти всё обесценивается, всё становится бессмысленным... Если не будет смерти, как мы будем ценить всё то, что имеем? Ведь это всё ценно только потому, что когда-то мы всего этого лишимся. Только страх потери денег заставляет нас ценить деньги. Только страх порчи любимых вещей заставляет нас привязываться к ним. Только страх утраты близких людей заставляет нас любить их ещё сильнее. Но если нам вдруг скажут, что все эти вещи, все эти деньги, все эти люди останутся с нами навечно,

мы перестаем всё это ценить, и будем откладывать любовь на потом, и ещё на потом, и ещё на потом, ведь впереди вечность. Но когда впереди нету вечности, когда всё конечно, только это мотивирует нас чего-то добиваться в жизни, и только это побуждает нас говорить своим близким, как мы их любим...

– Да... Вы правы... – тихо подтвердил Жорик. А про себя подумал: «Какая же она... мудрая... Вот бы и мне дожить до такого возраста и обрести такую мудрость...»

– Все, кого я люблю, уже далеко, – бабка перебила его мысль. – Мой муж давно умер. А мои дети и внуки живут далеко и редко навещают меня. Поэтому я уже давно готова... уйти... Но вот, сижу тут с вами... А ведь сегодня был такой прекрасный вечер, чтобы умереть! Был такой прекрасный закат! Но... ангел смерти так и не пришёл ко мне. Хм! – она усмехнулась. – Видимо, заблудился...

После такого откровения Жорик уже не имел желания рассказывать бабке свою историю. Он понял, что никакого геройского поступка он не совершил, а сделал только хуже. Ведь смерть была для неё освобождением. А он лишил её смерти и обрек на дальнейшие страдания.

Жорик вежливо попрощался с бабкой и поехал в сторону дома. Погода испортилась, заморосил мелкий противный дождик. Он ехал и думал о том, что, наверное, человеку не стоит вмешиваться в дела смерти, как и в дела божьи. Но, с другой стороны, если бы он не поступил так, как поступил, то этого разговора с бабкой не состоялось и он бы не узнал того, что она ему сообщила. Противоречивые мысли не давали покоя Жорику. И его вдруг охватило другое крайнее желание: вернуться на ту остановку в надежде, что пассажир ещё там, и рассказать ему всё. Поделиться с ним своими сомнениями, своими переживаниями. Спросить у него, правильно ли он поступил, или нет.

С этой мыслью Жорик поддал газу и минут через пять подъехал к той остановке. Но там уже никого не было. Был дождь, было ощущение какой-то странной пустоты. Но смерти не было.

Он присел на лавку, спрятавшись от дождя под навесом остановки. Закурил. Выкурил полностью всю сигарету. Затушил её в луже и выкинул в урну. Потом подождал ещё минут пять. Медленно сел в машину и поехал, ещё несколько секунд поглядывая в зеркала заднего вида.

Сначала он ехал медленно. Но скоро у него вновь закололо в желудке, и он ускорился. Он вцепился в руль как можно сильнее и стал бдительно вглядываться в дорогу.

«Да... – думал он. – Со смертью как-то оно было веселей...»

Пирожки с мудростью

Эпиграфы

«Мы живём на задворках вселенной, на крошечной планете, которая вращается вокруг заурядной звезды».

Стивен Хокинг

«Прежде чем верующему заявлять, что его чувства были оскорблены, ему следует вспомнить: чувства скольких людей оскорбил он сам – хотя бы только вчера».

Святой Эпиграфий

1

Прекрасное, чуть прохладное утро понедельника началось для старика Леонарда Шайна с привычного пения птиц в городском парке, что на пересечении Медон-стрит и Орригон-авеню в городке Браун-Хилл.

Свою передвижную лавку мистер Шайн всегда устанавливал возле третьего фонарного столба от входа в парк. Обычно всё было без изменений, менялась только погода. Но в этот раз кое-что изменилось. А именно – как раз на третьем столбе появился агитационный плакат, который гласил: «14-го сентября все на выборы!»

«Ну, что ж, – подумал мистер Шайн, – буду считать это бесплатной рекламой, которая лишь будет привлекать больше покупателей».

Мистер Шайн был простым продавцом пирожков, которые так любили горожане. Но не только за пирожками они приходили ко входу в городской парк, но и за мудрыми советами, которыми был так щедр мистер Шайн.

– Доброе утро, мистер Шайн, – говорил ему Пэдкинс, молодой рассыльный из местной газеты. На своём велосипеде Пэдкинс часто проезжал через парк, чтобы выпить чашечку капучино, который мистер Шайн готовил так вкусно.

– Доброе утро, Пэдкинс. Пожалуйста, ваш капучино, – мистер Шайн уже протягивал ему чашечку свежесваренного ароматного напитка.

– Спасибо, сэр! Ваш капучино возвращает меня к реальности! – Пэдкинс слез с велосипеда, принял кофе и спросил: – Вы уже знаете новость? – Ему не терпелось сообщить мистеру Шайну то, что он успел вычитать из утренних газет.

– Какую новость? – спокойно спросил мистер Шайн, продолжая готовить инструменты для приготовления пирожков.

– Уэйн Старринг всё-таки будет баллотироваться в мэры! – с нескрываемым восторгом выдал Пэдкинс.

– Ну что ж, я рад за него.

– Я рад за всех нас! Наконец-то достойный кандидат!

– Надеюсь.

– Вы будете голосовать, мистер Шайн?

– Не уверен, что смогу прогулять рабочий день.

– Странно, я думал, что вы сам себе начальник.

– Именно поэтому я и не хочу прогуливать.

– Но... как насчёт гражданского долга?

– Вы знаете, Пэдкинс, для большинства людей гражданский долг заключается в том, чтобы проголосовать на выборах. Но по моему глубокому убеждению истинный гражданский долг каждого человека заключается в том, чтобы выполнять свою работу качественно.

– То есть вы считаете, что на выборы ходить не нужно?

– Да нужно, нужно... Я лишь говорю о том, что этого недостаточно. Многие думают, что достаточно сходить на выборы, и дальше от них уже ничего не зависит. Мол, дальше всё зависит от политиков.

– Да-а... но... от них действительно многое зависит.

– Не более, чем от других членов общества.

– То есть вы хотите сказать, что, например, от простого разносчика газет тоже может что-то зависеть?

– Вы даже себе не представляете, как много.

– Не совсем понимаю, сэр.

– Ну, вот, смотрите. Я начинаю смену каждый день в восемь утра. И каждое утро я встречаю здесь вас, несущего газеты нашим уважаемым горожанам, что говорит о вас как о человеке ответственном, выполняющем свою работу качественно, на совесть.

– Спасибо, сэр.

– Как я понимаю, Пэдкинс, в числе прочих ваши газеты получает наш нынешний мэр, мистер Дэнвер?

– Да, сэр, я регулярно оставляю возле двери его дома «Национальный вестник» и «Политика».

– Вот видите, мистер Дэнвер тоже старается выполнять свою работу на совесть. Он уже с самого утра хочет быть в курсе всех новостей, чтобы принимать адекватные решения, от которых напрямую зависит жизнь города. И вот представьте, что однажды утром вы не принесёте ему важную новость. Какие тогда решения примет мистер Дэнвер, и в какую сторону тогда повернётся жизнь горожан? Я надеюсь, вы верите в то, что одно малейшее изменение сегодня может кардинально изменить будущее?

– Да, в это я верю.

– Ну, тогда сами сделайте вывод, насколько важна ваша работа.

– Да-а-а, сэр, вы правы, я никогда не думал об этом с такой точки зрения.

– В том то и дело, что большинство людей так об этом не думают. Большинство считает, что достаточно сходить на выборы, а дальше всё зависит от политиков. И именно поэтому большинство людей не делают свою работу на совесть. И именно от этого напрямую страдает экономика. Сами подумайте, что может сделать горстка правящих людей – да будь они хоть сто раз добродетельны! – если основная часть общества, простые люди, не верят в важность того, что они делают?

Пэдкинс согласно кивал и ложечкой выскребал пенку из остатков капучино.

Мистер Шайн дал Пэдкинсу возможность обдумать сказанное, а сам уже вынимал из печки первые пирожки.

– У меня тут первые пирожки комом вышли. Будете? – сказал он и протянул Пэдкинсу пирожки несовершенной формы.

– Не откажусь. – Пэдкинс взял пирожки, откусил один и с наслаждением сказал: – М-м-м! С брусничкой! Кайф!

Мистер Шайн убедился, что Пэдкинс уже переварил первую порцию мудрости и готов к следующей, и продолжил:

– Но, как вы думаете, почему люди так сильно уповают на политиков?

– Не знаю, сэр, – ответил Пэдкинс, вытирая с подбородка потёкший брусничный джем.

– В древности политики считались воплощением богов среди людей. И до сих пор эта вера сохранилась на генетическом, на подсознательном уровне. И хоть сознательно мы уже не верим в сверхъестественные силы, но подсознательно те неограниченные ресурсы, которыми обладают политики, мы воспринимаем как сверхъестественные божественные возможности, так как мы, простые смертные, такими ресурсами не обладаем.

– То есть мы верим политикам так же, как верим в богов?

– Да. И эта вера, я бы даже сказал, потребность, чтобы над нами обязательно было какое-то божество, на которое всегда можно свалить ответственность, лишает нас веры в собственные силы, а с ней и многих возможностей быть счастливыми.

– То есть вы считаете, что политика не нужна?

– В идеале не нужна. Но я понимаю, что современная жизнь невозможна без политики. И в большей степени потому, что её питает религия. По сути, религия и политика – это одно и то же. Оба эти института воспитывают в человеке чувство собственной малой значимости. Кто мы по сравнению с богом? Никто, просто букашки. Кто мы по сравнению с президентом? Никто, просто букашки. Чувствуете связь?

– Вот чёрт! Да! Так что же нам делать, сэр?

– Ну, знамо что: изучать нетеистические философии.

– Нетеистические философии?! – удивлённо переспросил Пэдкинс.

– Да. Философии, в которых нет бога.

– И вы... изучаете такие философии?

– Одну из таких, называется – шушизм. Её основатель, Шуша Брандабуди, учил тому, что не нужно быть приверженцем ни одного из учений. Любое учение, будь то религия, научная теория или политическая идеология, склоняет к слепой вере в опыт основателя этого учения, без проверки этого учения на личном опыте. Шушизм же учит тому, что всё нужно испытывать на личном опыте, а не слепо доверять какому-либо из учений, включая сам шушизм. Только личный жизненный опыт способен дать человеку...

– Ответы? – поспешил предугадать Пэдкинс.

– Нет. Ответы как раз вам дадут религия и политика. Только вот эти ответы породят в вас ещё больше вопросов. Я просто неверно выразился. Правильней будет сказать, что личный опыт поможет вам понять, что никаких ответов нет и, более того, они не нужны. Личный опыт поможет вам наиболее остро ощутить настоящее время, чем, по сути, жизнь и является. Но большинство людей боятся пребывать в чистом настоящем времени и постоянно пребывают либо в мыслях о прошлом, либо в мыслях о будущем, таким образом уходя от самой жизни. Эта привычка достигла патологической формы. Прошлое и будущее теперь воспринимаются людьми почти как нечто материальное. Тогда как в действительности ни прошлого, ни будущего – не существует.

– Как это?

– Так ведь о прошлом вы думаете в настоящем времени, и о будущем вы думаете в настоящем времени, таким образом получается, что в реальности нет ничего, кроме чистого настоящего времени, а прошлое и будущее существуют лишь в мыслях.

– Так что же получается, вообще не думать о прошлом и будущем?

– Не думать в патологической форме. Иными словами – не переживать. Ни о прошлом, ни о будущем. В прошлом случилось то, что случилось, и ваши переживания об этом всё равно не изменят прошлого. В будущем случится то, что вытекает из реальности настоящего, ни больше, ни меньше, поэтому также нет смысла переживать о том, что будет в будущем.

– Это понятно, сэр. Но – в теории. Мне всё равно сложно представить, как это применить на практике. Ведь люди уже настолько привыкли всё время заглядывать в прошлое или будущее в поиске ответов на свои вопросы.

– Да, Пэдкинс. Задавать вопросы: политикам, богам – это просто привычка, которая выработалась у человечества в процессе эволюции. И ходить на выборы, и ходить в церковь – это желание задавать вопросы. Люди просто не уверены в себе. А ведь на самом деле все ответы на все вопросы уже заложены в них самих. И вот политики и священники – это своего рода психологи-коммерсанты, которые знают об этой тотальной неуверенности людей и пользуются этим. Они дают людям те ответы, которые люди хотят услышать, которые уже в них самих заложены.

жены. Но из-за собственной неуверенности люди приписывают эти ответы политикам и священникам, вознося их до ранга богов.

– Значит... все ответы уже находятся в нас? – вслух задумался Пэдкинс.

– Да. Ведь любой вопрос, по сути, можно сформулировать одним из двух способов: или «почему раньше было так?», или «а что будет дальше?». То есть любой вопрос заключает в себе либо неуверенность в том, что в прошлом всё было сделано правильно, либо неуверенность, что в будущем всё будет сделано правильно.

– Тотальная неуверенность...

– Да, Пэдкинс. Тотальная неуверенность. Она прилипла к нам, как вредная привычка. Но вы же должны знать, как побороть любую вредную привычку?

– Хм... может... наверно... заменить её другой привычкой?

– Совершенно верно! Ведь когда мы задаём вопросы богам и политикам, вопросы о прошлом или будущем, так мы только подпитываем в себе эту привычку, эту тотальную неуверенность в себе. Но чтобы свести к минимуму переживания о прошлом и будущем, нужно не задавать вопросы, а периодически давать уму возможность отдохнуть.

– Это... как... давать организму выспаться?

– Да. Это, кстати, отличная аналогия. Ведь вы наверняка замечали, когда вы спите и при этом не видите сновидений, на утро вы чувствуете себя более отдохнувшим. Это потому, что ваш ум при этом не мыслит, а пребывает в спокойном естественном состоянии. Но и при бодрствовании у нашего ума также есть возможность пребывать в таком состоянии без мыслей. В шушизме это называется безмыслиция.

– Безмыслиция?

– Да. Когда вы всего лишь пару минут посидите без мыслей, ваш ум успокаивается. На какое-то время он перестаёт переживать о прошлом и будущем, а спокойно пребывает в чистом настоящем времени. Такие перезагрузки мозга очень важны, особенно в наш информационный век, когда всё вокруг буквально заставляет человека напрягать извилины.

– То есть нужно периодически в течение дня останавливать свой мыслительный процесс на пару минут, чтобы дать уму отдохнуть?

– Да. Тогда как психологи рекомендуют заменять плохие мысли хорошими. Но это лишь половинчатое решение проблем. Ведь среди хороших мыслей всё равно прокрадется хоть одна да плохая. Так устроен наш неуверенный в себе ум, ему свойственно сомневаться даже в своих хороших мыслях. Поэтому единственный способ избавиться от переживаний хотя бы на время – не думать вообще, ни о плохом, ни о хорошем. И когда такие перезагрузки мозга войдут в привычку, тогда вы начнете более остро ощущать настоящее время, а значит – более остро ощущать саму жизнь. И тогда постепенно вы начнете понимать, что вам не нужны никакие ответы от политиков и богов, а всё что вам нужно – это как можно чаще жить самой жизнью, то есть настоящим временем.

Пэдкинс задумался. Мистер Шайн понял, что до него стало доходить, и перешёл к заключению:

– Вот поэтому я продаю пирожки, а не хожу на выборы, и не хожу в церковь. Для меня сходить на выборы означало бы – подкрепить в себе чувство собственной неуверенности, что какой-то там новый избранный мэр изменит мою жизнь к лучшему, а сходить в церковь означало бы – уповать на то, что милостивый бог изменит мою жизнь к лучшему. Но я знаю, что свою жизнь могу изменить только я сам. И я её уже меняю, каждый день, каждую минуту. Мне нравится каждый день переживать это чистое настоящее время. Видеть наших дорогих горожан, которые каждый день меняются в зависимости от полученного личного опыта, становятся другими. И вот сейчас в жизни нет ничего важнее, Пэдкинс, чем вот этот наш с вами разговор. Ещё пирожок?

– Ох... нет... спасибо, сэр! Кажется, я уже сыт! Думаю, мне пора отправляться на работу. – И добавил сквозь улыбку, – получать свой личный опыт!

– Это мудро, Пэдкинс! Хорошего дня!

– И вам хорошего дня, мистер Шайн! До свидания!

– Счастливого, – сказал уже сам себе мистер Шайн, провожая взглядом Пэдкинса, который весело закрутил педали по Орригон-авеню.

После чего мистер Шайн пришел к выводу, что наступил отличный момент для сеанса безмыслии. Он сел в позу лотоса, сложил руки чашечкой, и так просидел около пяти минут без мыслей, наблюдая, как маленький паучок сплетает свою паутину на колесе передвижной пирожковой лавки.

Глядя на этого паучка, он сделал интересный вывод. Ведь этот паучок не знает никакой политики, не верит ни в каких богов, а просто качественно делает свою работу, не думая ни о прошлом, ни о будущем, пребывая постоянно в чистом настоящем времени. «Так зачем же эволюция дала нам способность мыслить, постоянно оборачиваться на прошлое и заглядывать в будущее? – подумал мистер Шайн. – Может быть, для того, чтобы в процессе дальнейшей эволюции наш интеллект развился до такого уровня, чтобы мы могли сами, своей собственной волей отключаться от переживаний о прошлом и будущем и погружать себя в реальную жизнь?»

2

В момент этой мысли возле лавки мистера Шайна остановился дорогой автомобиль, из которого вышел джентльмен в костюме.

– Доброе утро, мистер Шайн! Как бизнес? – сказал джентльмен.

– Доброе утро, мистер Трувэр. Спасибо, всё отлично, – ответил мистер Шайн.

– А я вот опять не успел позавтракать. Лёг в полвторого! Всё проверял отчёты начальников цехов – у них, как всегда, всё через одно место! А ведь скоро отчётный налоговый период, как всегда, всё не успеваю. Ну, сами понимаете...

– Не совсем, сэр. Вам как обычно?

– Да, два с мясом, один с капустой и один...

– С луком и яйцом, – закончил мистер Шайн.

– Совершенно верно! Память у вас – отменная! Как, собственно, и пирожки.

– Два здесь и два с собой?

– Вот за что я вас уважаю, мистер Шайн, так это за то, что у вас всё чётко, как в аптеке. Не то, что у моих начальников цехов! – Трувэр произнёс это с максимальным разочарованием в голосе и далее продолжил, уже пережёвывая пирожок с мясом: – Я вам вот что скажу, положи руку на сердце: вот любого начальника цеха снял бы и поставил бы на его место вас!

– Благодарю за доверие, – спокойным тоном ответил мистер Шайн, – но... я далёк от производственного бизнеса.

– Это не проблема. Научить – это не проблема. Главное, внутренняя дисциплина чтобы была.

– С этим я согласен. Но... всё же, это не моё.

– Да, я понимаю. Душа не лежит и всё такое... Нужно заниматься тем делом, которое приносит удовольствие... А мне вот моё дело уже давно не приносит удовольствие. Мечусь между двух огней, между производственниками и советом директоров, одних не устраивает одно, других – другое, а крайним, как всегда, остаётся кто? Правильно – Саймон Трувэр! Ох, мистер Шайн! А может, действительно, плюнуть на всё, бросить всё это и заняться частным бизнесом, продавать, вон, пирожки? Ах-ха-ха! Мистер Шайн, я ведь так люблю кушать пирожки! Вот и займусь тем, что мне приносит удовольствие! Ах-ха-ха! Не боитесь конкуренции?

– Нет, не боюсь, – всё также невозмутимо отвечал мистер Шайн.

– Вот это вы верно сказали. Чего вам боятся? У вас же – имя! По сути – бренд. Ведь ваши пирожки известны не только в нашем, но и в соседних городах... Послушайте! Мистер Шайн! – его вдруг осенило. – А что если нам с вами организовать... франшизу?!

Мистер Шайн засмеялся.

– А что? – продолжил Трувэр. – По-моему, отличная идея! Смотрите, у вас есть имя и есть технология. У меня есть деньги. Мы откроем лавки, для начала во всех близлежащих городах. Обучим персонал. Стартоном, так сказать... А позже расширимся на штат, а может, и на всю страну! А? Что скажете?

– Звучит амбициозно.

– А почему бы и нет? Какие наши годы, мистер Шайн?! – и потрепал старика за плечо.

– Я могу быть с вами откровенен? – спросил мистер Шайн.

– Да, конечно! Ничто так не ценю в людях, как откровенность.

– Отлично. Вот вы говорите – технология. Разумеется, она есть, но она существует не на бумаге и не в компьютерных файлах. Она существует в моём сердце. Когда мой отец учил меня ремеслу пекаря, он своими руками брал мои руки и показывал, как правильно месить тесто. И хоть уже прошло тридцать лет с тех пор, как моего отца нет на Свете, но я до сих пор помню тепло его рук. Технология была в этом тепле, в его любви, и в его терпении, когда у меня не получалось. Он говорил мне: «Лео, запомни, тесто любит терпеливых. Любое дело любит терпеливых...» И это терпение передалось мне. Это терпение было в его глазах, полных любви, и в его словах, полных уверенности. А в современном бизнесе – где эта любовь? Кто её передаст ученикам? Бизнес-коучи? Но они передают только информацию. Этого недостаточно для хорошего продукта. Ведь продукт создаётся для людей. И если продукт питают лишь амбиции, но не питает любовь, то продукт получается посредственным.

– Любовь – это, конечно, хорошо, – возразил ему мистер Трувэр, – но общество требует хлеба и зрелищ. И ему дела нет до вашей внутренней кухни.

– То, что людям нужны только, как вы говорите, хлеб и зрелища, это стереотип. На самом деле люди во всём ищут то, что они хотят полюбить. У людей, можно сказать, патологическая потребность кого-то или что-то любить. И любое проявление зла, кстати говоря, есть следствие того, что эта потребность любить не воплотилась. Покупая товары, люди подсознательно надеются, что эти вещи вызовут в них естественное чувство любви. Но если мы даём этим людям товары, которые лишены любви, этого тепла, заложенного производителями, люди испытывают ненависть и, рано или поздно, отворачиваются от таких товаров.

– Но как заставить производителей закладывать в товары любовь?

– В том-то и дело, что заставить это делать невозможно. Но есть один способ, который поможет вам понять, как мотивировать людей закладывать любовь в свою деятельность.

– Так-так! Я весь внимания! – заинтересовался мистер Трувэр, поглощая уже второй пирожок с мясом.

– Как вам, возможно, известно, я являюсь сторонником такой древней философии, как шушизм.

– О, да, я слышал, мистер Шайн, что вы шушист. Но я далёк от философии.

– Именно поэтому я не буду грузить вас излишней информацией. А расскажу вам суть лишь одного из важных терминов в шушизме, который поможет вам понять, как правильно мотивировать людей. Этот термин называется «передача».

– Передача?

– Да. Суть этого термина заключается в том, что в шушизме происходит прямая передача знаний от учителя ученику. И часто любого учителя шушизма называют Живым Шушей. Понятие Живой Шуши не означает, что основатель шушизма, Шуша Брандабуди, как личность будет жить вечно. И не означает, что Шуша Брандабуди перевоплотится в другой жизни в новое тело. Живым Шушей называют каждого нового учителя шушизма, который вносит в учение

свой личный живой опыт. Шушизм – философия не статичная, а постоянно меняющаяся и подстраивающаяся под современные условия. И сам Шуша Брандабуди говорил, что не нужно заикливаться на его учении, на его субъективном опыте, и что каждый новый шушист должен приносить в учение свой личный опыт и лично передавать его новому ученику. Только так, посредством живого опыта, адаптированного к современным условиям, новый человек способен постичь истинную суть не только шушизма, но и самой жизни. И в этом смысле мой отец, даже сам того не подозревая, и никогда не изучая шушистской литературы, был для меня Живым Шушей, понимаете?

– Это я понимаю, но...

– Но не торопитесь с выводами, мистер Трузэр. Дослушайте до конца.

– Да, конечно... – послушно сказал Трузэр, глядя на мистера Шайна такими глазами, как неопытный ученик смотрит на мудрого мастера шушизма.

– Ваш вопрос заключается в следующем: как мотивировать людей вкладывать любовь в производимую продукцию, правильно?

– Да.

– Корень этой проблемы уходит очень глубоко. А именно – в религию.

– При чём тут религия?

– Ну, смотрите. Основная мировая религия – это предистианство с её главным пророком – Предистосом, правильно?

– Да, всё верно.

– Следовательно, прямо или косвенно, но большая часть людей мира воспитывается в духе предистианских ценностей, так?

– Да, фиг поспоришь.

– Само это учение, несомненно, мудро. И поначалу в этом учении соблюдался принцип прямой передачи. Но со временем этот принцип был утрачен, и далее учение передавалось, если выразиться современным языком, с помощью посредников, таких как переводчики, толкователи и священники, которые исказили учение до красивых цитат, лишённых живого опыта. Так в предистианстве был утрачен принцип живой передачи. Церковь раскололась на множество течений, каждое из которых, вроде бы, верило в учение одного и того же пророка – Предистоса, но трактовало его слова по-своему, и эти течения враждовали друг с другом. Да, что уж там говорить, когда и само учение было насильно навязано многим другим народам. Тогда как Предистос завещал людям любить друг друга, то его более поздние последователи начали навязывать любовь насильно. А разве любовь можно навязать насильно?

– Нет, не навязешь.

– И так получается, что Предистос учил людей любить друг друга, пропуская эту любовь через свой личный опыт. Но предистианство исказило это учение, и основная суть предистианства – это навязывание любви.

– Да-а-а... это глубокая мысль...

– А так как все нынешние человеческие сферы деятельности основаны в большей степени предистианами, то и эта идеология «навязывания любви» лежит в основе любой из этих сфер деятельности, включая бизнес. Ведь основная суть большей части бизнеса – это навязывание своих продуктов и борьба с конкурентами. Также и ваши производственники и совет директоров борются за навязывание своих ценностей друг другу, направляя свою энергию именно на борьбу. А ведь эту энергию можно направить не на борьбу, а на другое – на совершенствование себя. И тогда как суть предистианства – совершенствование других, суть шушизма – совершенствование себя. Мой отец мне так говорил: «Лео, не думай вообще о конкурентах. Просто старайся делать свои пирожки каждый день лучше, чем они получались вчера». И это – работает! Таким образом, ответ на ваш вопрос – как вложить в продукт любовь? – такой: совершенствуйте себя, и тогда ваш продукт будет совершенствоваться автоматически.

– То есть вы хотите сказать, что всё, что мне нужно делать – это постоянно самому становиться лучше, а не заставлять других становиться лучше?

– Да, сэр, вы в совершенстве постигли философию шушизма! – ответил мистер Шайн с нескрываемой улыбкой, такой, когда учитель радуется, если его ученик постиг мудрость. – Ведь если вы будете сами постоянно улучшать себя, то другие будут смотреть на вас и желать такого же совершенства. А если вы будете навязывать свою любовь другим, то другие будут инстинктивно защищаться.

Мистер Трувэр сам не заметил, как поглотил на месте все пирожки, даже те, которые планировал взять с собой.

– Спасибо, – сказал он мистеру Шайну. – Я обязательно обещаю подумать над этим в ближайшее время. А ещё мне сильно захотелось почитать что-то из шушистской литературы. Что посоветуете?

– Это хороший вопрос, мистер Трувер. А чтобы ответить на хороший вопрос, нужно и хорошо подумать. В следующий раз я принесу с собой что-нибудь из того, что понравится непосредственно вам. Вы же – знаете, где меня найти.

– О да, мистер Шайн, поверьте, Саймон Трувэр слов на ветер не бросает! Я прочту всё, что вы посчитаете нужным мне прочитать. – И добавил с улыбкой: – Вприкуску с вашими пирожками!

– Тогда так и порешим! – заключил мистер Шайн.

Мистер Трувэр почтительно пожал руку мистеру Шайну и уверенно сел в машину. Мистер Шайн помахал вслед уезжающему автомобилю и подумал: «Чёрт, Трувэр всегда так аппетитно ест пирожки, что невозможно удержаться». И принял решение подкрепиться, пока образовалось окно между покупателями.

Ему почему-то захотелось вылепить из теста форму какого-нибудь животного. Такие формы пирожков он обычно делал для юных покупателей. Видимо, память об отце вызвала в нем чувство внутреннего ребёнка, и он, подчинившись этому естественному чувству, вылепил слона. Критически посмотрел на него, как будто думая о том, как бы отец оценил его творчество, и убрал пирожок в печку. Через пару минут пирожок был готов, и мистер Шайн начал медленно его есть, с наслаждением пережёвывая каждый кусочек чистого настоящего времени.

3

После окончания ритуала приёма пищи, мистер Шайн заметил, как к нему приближается миссис Эвенсвилл со своими мальчиками.

– Брэндон! Сэмюэль! Я кому сказала?! Идите сюда! Опять вы по лужам шлындаете! – недовольно прокричала женщина на детей. И после обратилась уже к старику: – Ох, простите, мистер Шайн, они бывают такими неуправляемыми.

– Ничего страшного, миссис Эвенсвилл, у меня у самого четверо... и одиннадцать внуков...

– Ни-че-го себе! И как вы с ними справляетесь?

– Ну, я же не один... Мы все помогаем друг другу. Что пожелаете?

– Да, мне пожалуйста два пирожка с брусникой, один с абрикосом, и один с вишней, и два какао.

– Легко. – И принялся за готовку.

– И ваши дети часто вас навещают? – заинтересовалась миссис Эвенсвилл.

– Да, миссис. Двое из них живут здесь, в Браун-Хилле, с ними мы видимся каждый уик-энд. Старший живёт в Роудсе, но приезжает обычно раз в месяц. Младший сейчас в Необии, он бывает чуть реже, обычно раз или два в полгода. Но все основные праздники мои дети традиционно проводят здесь. Это лучшее для меня время, когда приезжают все мои внуки!

– Вы счастливый человек, мистер Шайн!

– Да, спасибо. Но я стараюсь об этом не думать. Ведь стоит только об этом подумать, так сразу возникает страх это потерять.

– Хм, интересная мысль. То есть вы считаете, что о счастье не нужно задумываться?

– Абсолютно! Люди, которые не заиклены на поиске счастья, на самом деле наиболее счастливы.

– Да, но это ведь только в том случае, если этих людей устраивает их жизнь, их работа, их социальный статус. Но если их что-то не устраивает, то им ничего более не остаётся, как искать свое счастье в чём-то другом.

– Это да, но вы никогда не задумывались, почему людей не устраивает их жизнь, работа, социальное положение?

– М-м-м, так сходу не ответишь.

– Ваши пирожки и какао, миссис.

– Спасибо, – поблагодарила женщина мистера Шайна и вновь повышенным тоном призвала сыновей, которые весело играли в пятнашки: – Мальчики! Ну сколько можно?! Вы же сами просили пирожки! Так идите и ешьте!

Дети подбежали к матери, взяли пирожки и начали спешно их уплетать. Мистер Шайн смотрел на это с умилением, в очередной раз радуясь тому факту, что его деятельность приносит столько радости детям. Радостные дети всегда провоцируют мистера Шайна на дополнительную щедрость, и он сказал миссис Эвенсвилл:

– Сегодня у нас акция: купи четыре пирожка, и получи ещё два в подарок! Поэтому – это вам! – и протянул миссис Эвенсвилл два пирожка с черникой и чашку какао.

– Ох, мистер Шайн, вы меня балуете!

– Ничего-ничего, миссис Эвенсвилл, постоянных покупателей нужно баловать, – и улыбнулся.

Миссис Эвенсвилл улыбнулась в ответ и принялась пробовать пирожки, искоса наблюдая за детьми. Потом спросила мистера Шайна:

– Но... по-моему у вас была какая-то интересная мысль?

– А-а-а... Сейчас... Ах, да-да. Почему большинство людей не устраивает их жизнь, их работа и социальный статус?

– Да. Почему?

– Может быть, потому, что они сравнивают свою жизнь с другой, по их мнению, более счастливой, и с другой работой, по их мнению, более обеспечивающей такую счастливую жизнь?

– Хм.

– Ведь если не сравнивать, тогда ваша жизнь становится самодостаточной.

– Но как не сравнивать? Ведь мы живём в социуме. И успехи одних людей провоцируют к тому, чтобы и другие люди также добивались успехов.

– Это смотря что называть успехом.

– В каком смысле? – спросила миссис Эвенсвилл и, повернувшись к детям, крикнула: – Саймон! Прекрати отбирать у брата пирожок! – и вновь повернулась к старику: – Простите, мистер Шайн.

– Вот, кстати, – сказал мистер Шайн, – поведение наших детей в этом смысле очень показательно. Помните, в прошлый раз, миссис, я рассказывал о различиях между предистианством и шушизмом?

– Да. Вы говорили, что предистианство нацелено на искоренение зла в других, а шушизм – в самих себе.

– Совершенно верно. И предистиане воспитывают своих детей в духе этого искаженного учения. Например: ребёнок возвращается из школы и сообщает родителям, что он подрался с одноклассником. Традиционный предистианин скажет своему ребёнку примерно следующее:

«В следующий раз будь умнее своего одноклассника». И вот это «будь умнее кого-то» порождает в ребёнке дух соперничества. Даже сама система школьных оценок порождает в детях дух соперничества. И у детей возникают иллюзии, что пятёрка – это успешный результат. А двойка – это неуспешный результат. Но ведь двойка просто сигнализирует, что у ребёнка есть какие-то скрытые таланты в чём-то другом. Но предхристианская система образования не обращает внимание на эти сигналы, закапывая их в глубину детского подсознания, и позже на выходе мы получаем закомплексованного ребёнка, которого не научили ничему, кроме того, что ему нужно со всеми соперничать. Но разве соперничество приводит к позитивным изменениям? Думается мне, к позитивным изменениям приводит дух сотрудничества.

– Я понимаю, мистер Шайн. Но как мотивировать детей сотрудничать? Ведь они ещё не готовы этого понять прямо с ходу.

– В том то и дело, что готовы! Они готовы понять всё, что вы готовы им поведать. Дети открыты для всего нового. И вот, смотрите. Внимание! В ответе родителя мы изменим небольшой акцент, и вы увидите, как кардинально изменится вся суть! Ситуация та же. Ребёнок вернулся из школы побитый. Но теперь родитель говорит ему в духе шушизма: «В следующий раз будь мудрее». Быть мудрее не означает – быть умнее кого-то, но означает – быть умнее себя самого вчерашнего. И вот такой подход не порождает духа соперничества, но порождает дух самосовершенствования. И суть мудрости – самосовершенствование – вполне можно объяснить ребёнку.

– Да, с этим я согласна.

– С этим, казалось бы, согласно большинство. Но на практике этим пользуются лишь немногие. И традиционно принято считать, что мудрость присуща лишь старикам. Существует даже такая расхожая предхристианская поговорка: «Мудрость приходит тогда, когда она уже не нужна». И это очень пагубная поговорка, которая подкрепляет веру в то, что ребёнок не способен быть мудрым и принимать мудрые решения.

Мистер Шайн на мгновение отвлекся, отдавая пирожки очередным покупателям, и после закончил свою мысль:

– Вот так, миссис Эвенсвилл, из ребёнка, который воспитан в традициях «будь мудрее» вырастает самодостаточный человек, который не сравнивает свою жизнь ни с чем, а считает свою жизнь уникальной независимо от того, каким делом он занят. Из ребёнка же, который воспитан в традициях «будь умнее других», в традициях соревнований, вырастает закомплексованный человек, который постоянно сравнивает свою жизнь с другими и от этого никогда не будет полноценно счастлив.

– Да, мистер Шайн, с этим не поспоришь. Но, как вы правильно сказали, мы – предхристиане, и нашу закоренелую систему воспитания так просто не изменить.

– Опять же, миссис Эвенсвилл, большинство людей считают, чтобы, как вы говорите, «изменить систему», должно произойти какое-то глобальное осознание новых ценностей. Так люди мыслят потому, что они смертны, и что им обязательно хочется в рамках своей жизни увидеть хоть какие-то позитивные изменения, поэтому они всё уповают на богов и, вон, – он показал пальцем на плакат за своей спиной, – на политиков, в надежде, что эти божества обеспечат им быстрое позитивное развитие. Но эволюция устроена по-другому. Она развивается медленно. Сначала о новых ценностях узнаёт один человек, к примеру, какой-нибудь продавец пирожков, – он улыбнулся, – распространяет эти ценности среди своих близких, среди своих горожан. И так далее. Это процесс медленный. И если всё время думать о том, когда же наступит результат, когда же до всех людей в мире дойдут эти новые ценности, то можно сойти с ума. Поэтому единственный способ не съехать с катушек – это наслаждаться самим процессом распространения этих новых ценностей. Осознавать себя частью этой мудрости. И для этого необязательно быть президентом, или пророком, или, как вы говорите, иметь высокий социальный статус. Глобальные изменения рано или поздно наступят, как говорится

в одной шушистской притче: «Невозможно ускорить созревание яблока». Глобальные изменения наступят тогда, когда человечество будет к ним готово, не раньше, не позже. Станем ли мы с вами свидетелями этих глобальных изменений – это не так важно. Для нас с вами важно прожить жизнь счастливо, прожить её честно, прожить с максимально возможным ощущением настоящего времени. Только так мы выполним своё истинное предназначение и только так наши дети примут у нас эстафету наших начинаний, и также проживут свою жизнь счастливо. А? Как вы считаете?

– Да, мистер Шайн. Будем надеяться, что у нас хватит сил и терпения. – Потом обратилась к мальчикам уже спокойным тоном: – Брэнди. Сэмми. Вы что-нибудь ещё будете?

– Нет, мам, – ответил старший Сэмюэль. – Мы хотим покататься на «Бешеной горке».

– Но вы уже вчера на ней катались.

– Мы хотим ещё.

– Очень хотите? – ласково спросила миссис Эвенсвилл и погладила Сэма по голове.

– Да, мам. Очень хотим. Мы всегда очень хотим, если просим тебя, – сказал Сэм, сам не осознавая, что сделал это философски.

– Ну, хорошо. Тогда пошли. До свидания, мистер Шайн! Спасибо за угощения!

– Всего хорошего, миссис Эвенсвилл!

– До свидания, мистер Шайн! – сказал Сэм. – Ваши пирожки просто бомбические!

– Пока, мистер Шайн! – добавил Брэндон.

– Пока-пока! – ответил мистер Шайн и помахал мальчикам рукой.

Прошло какое-то время. Никто не подходил к лавке мистера Шайна. И он решил сделать уборку вокруг своего рабочего места. Он достал метлу и начал мести. Он делал это неспеша, стараясь совершать действия без мыслей, всем своим существом погружаясь в процесс, наслаждаясь шуршанием ворсинок метлы по тротуарной плитке, беготнёй муравьев по своим муравьиным делам, тенью деревьев и бликами света...

4

– Эй, старик! – вдруг услышал мужской голос мистер Шайн. Он поднял голову и увидел, как рядом припарковалась строительная техника: подъёмный кран и экскаватор. И от них какой-то мужчина стремительно шёл к мистеру Шайну.

– Эй, старик! Сворачивай ка свою лавку, сейчас здесь будет работать техника! – заявил мужчина, приблизившись.

– В каком смысле? – удивлённо спросил мистер Шайн.

– В прямом смысле, ёб твою! Сворачивай свою контору!

– Но... мне ничего неизвестно о каких-либо работах здесь...

– Ах, да, извини, забыли поставить тебя в известность! – саркастически сказал мужчина, а потом обернулся к своим рабочим, что доставали инструменты из машин: – Мужики, бля, сворачиваемся! Мы забыли поставить в известность старика!

– Ах-ха-ха! – откровенно заржали рабочие.

– Вы смеётесь, – спокойно сказал мистер Шайн, – но я ведь занимаю это место совершенно законно и исправно плачу за него. Да и мои клиенты всегда знают, что я здесь, вот уже лет как десять. По договору администрация должна была мне сообщить о таких изменениях.

– Дед, ёб ж твою бабушку! Здесь пройдёт газовая труба! Ты что ж думаешь, компания «РаспредГаз» будет прокладывать её в обход твоей лавки?! – На заднем плане вновь раздался смех рабочих.

– То есть вы хотите сказать, что трубы пройдут прямо через парк? – недоумённо спросил мистер Шайн.

– Ну, давай ты ещё начнёшь про экологию нам тут задвигать!

– Дело в том, – продолжил мистер Шайн, – что я лично знаю мистера Дэнвера, главу нашей администрации. Он любит этот город и этот парк, и сам здесь часто гуляет с детьми. Сомневаюсь, что он мог принять такое решение.

– Ах-ха-ха! – заржал мужчина. – Во заливает! Ты знаешь мэра?! Рассказывай! Давай ка, собирай свою тележку и проваливай! А то наш экскаватор проедется прямо по твоим пирожкам!

Мистер Шайн не стал вступать в перепалку, так как знал, что если закон на стороне этого мужчины, то здесь ничего нельзя поделать, но если закон на его стороне, справедливость обязательно восторжествует, и он рано или поздно вновь займёт своё законное место. Его отец ему так говорил, когда в годы социализма полицейские пришли арестовывать его частное имущество: «Лео, пусть эти люди забирают всё. И так они действительно будут думать, что забрали у тебя всё. Но в действительности они не забрали у тебя ничего, ведь всё, что ты знаешь, всё твоё мастерство – всегда с тобой в твоём уме...»

– Хорошо, – ответил мистер Шайн, – я уберу свою лавку. Только дайте мне немного времени. Одному мне тяжело управиться, обычно собраться мне помогает внук.

– Хорошо, бля, дед! Но давай как-нибудь побыстрее! Техника простаивает!

Мистер Шайн начал поспешно собирать товар. В это время к парку подъехала группа репортёров из местной газеты. Из фургона вышла девушка и сразу же обратилась к мистеру Шайну:

– Что здесь происходит, мистер Шайн?

– Я вам скажу, что здесь происходит! – вклинился мужчина. – По указанию главы действующей администрации, мистера Дэнвера, через парк пройдёт газовая линия!

– Что?! – опешила репортёрша. – Какая ещё газовая линия?! – И вопросительно посмотрела на мистера Шайна.

Мистер Шайн пожал плечами и сказал:

– Не знаю, Фрэнсис. Все вопросы к этому господину.

– Покажите документы! – потребовала мисс Фрэнсис от мужчины.

– Кто вы такая, чтобы я показывал вам документы? Полиция?

– Хорошо, тогда я вызываю полицию.

– Да-да, пожалуйста, – высокомерно сказал мужчина.

Пока полиция ехала, собралась толпа недовольных горожан. Мистер Шайн всех угощал пирожками. Фрэнсис успокаивала мистера Шайна:

– Не переживайте, мистер Шайн, это явно провокация со стороны штаба Уэйна Старринга. Это стандартный приём, когда ищут человека, на фоне которого разворачивается скандал, но сам этот человек не имеет никакого отношения к теме. Это делается, чтобы привлечь внимание прессы, полиции, общественности. Чтобы в глазах людей сложилось подсознательное впечатление о плохих намерениях того кандидата, против которого направлена эта акция.

– Да-да. Я всё понимаю, Фрэнсис. Благодарю вас за поддержку.

– Вот увидите, – продолжала репортёрша, – как только полиция приедет, эти ребята начнут себя вести уже не так вызывающе. Их цель – не действие, а создание шума.

Возле парка остановилось несколько полицейских машин. Из одной вышел офицер средних лет и направился в сторону входа в парк. Подойдя к пирожковой лавке, офицер сказал:

– Добрый день, мистер Шайн. – И с юмором добавил: – Смотрю, и вас коснулся кризис власти?

– Здравствуйте, Джозеф. Да, можно и так сказать.

Офицер обернулся к нарушителю спокойствия и потребовал документальное разрешение на проведение работ. На что мужчина ответил:

– Ой! Кажется, я забыл его на столе у мэра...

– Понятно, – сказал офицер. – Тогда проедемте, будем оформлять нарушение общественного порядка. – Потом вновь повернулся к мистеру Шайну: – Вам, сэр, к сожалению, тоже придется проехать, для дачи свидетельских показаний.

– Джозеф, – ответил мистер Шайн, – я не буду свидетельствовать против этого человека, ведь он не сделал мне ничего плохого.

– Но он оскорбил вас, мистер Шайн!

– Нет, Джозеф, он оскорбил самого себя. Ведь наш мир – это отражение нас самих. И если человек говорит тебе, к примеру: «Ты – урод!», значит, именно таковым он себя ощущает.

– Ох, мистер Шайн! Опять ваша философия! Нет, я, конечно, всё понимаю, но в данном случае считаю, что этот человек заслужил наказание.

– Видите ли, Джозеф, я убеждён, что наказание только озлобляет, склоняет к мести и дальнейшему грехопадению. Но только прощение направляет человека на путь истинный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.